

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ АНАЛИЗА СТРАТИФИКАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

The principal purpose of the article is, first, the consideration of main methodological approaches to analysis of stratification in russian sociology and, secondly, the general assessment of actual condition of the russian society in the context of globalization. In the article the comparison is made between class structure of the russian society before and after the period of «perestrojka». It is maintained, that russian political leadership's orientation towards western models of social organization and influence of processes of globalization result in considerable social inequality. It is noted, that stratification system in Russia is in the course of development, as a result, in the modern russian sociology a common approach to the analysis of stratification is still absent. The conclusion is made, that while showing up social stratification structure one should not overestimate such subjective factors as self-identification and take into account objective factors as well.

Введение. В 1983 г. социально-классовая структура Российской Федерации в общей численности занятого населения состояла из двух классов и прослойки – народной интеллигенции. По данным статистики, в тот год рабочие в стране составляли 63%, интеллигенция (служащие и специалисты) – 27%, колхозники – 10% [1, с. 99].

За годы перестройки (1985–1991 гг.) и последующих реформ социально-классовая структура постсоветской России кардинально изменилась. В ходе приватизации общенародной собственности советский рабочий класс перестал существовать как ведущая политическая сила и основной элемент социальной структуры общества. Ныне его место занимают большие группы работников физического труда, разбросанных по многочисленным корпоративным объединениям, для которых характерны отношения конкурентной борьбы друг с другом.

Подобная судьба постигла и советское крестьянство. Элементами механизма, созданного для ликвидации колхозного крестьянства, явились: запрет за ссуды и кредиты колхозам, закрытие государственных приемных пунктов сельхозпродукции, отмена пошлин на ввоз в страну из-за рубежа зерна, мяса, молочных продуктов и других товаров сельхозпроизводства, настоятельные рекомендации местным властям делить землю, инвентарь, имущество колхозов между их членами, широкие льготы тем, кто собирался вести частное сельхозпроизводство, становиться фермерами.

Несобственники (бывшая интеллигенция, а нынче бюджетники и лица свободных профессий (артисты, художники и др.)), по выражению некоторых социологов, «дифференцировались в соответствии с требованиями рынка», а на самом деле вынуждены были продавать свой труд не по стоимости рабочей силы, как положено при рыночных отношениях, а трудиться за мизерное вознаграждение, которое позволяло им лишь выживать в условиях шоковой терапии. Интеллигенция фактически

оказалась отстраненной от активной общественной жизни, инновационного процесса в стране, зачастую просто невостребованной со своими опытом, навыками, знаниями.

Основная часть. В результате осуществления политической воли Б. Н. Ельцина и его сторонников социальная структура России была перестроена «по образу и подобию» западной, капиталистической. Основные социальные слои российского общества подверглись массивным атакам со стороны государственной власти и были попросту рассеяны в социальном пространстве. Общество атомизировалось и каждый индивид, будучи «освобожденным» от классовой принадлежности, оказался во власти стихийных социальных отношений.

Но в таком состоянии люди (страна) утрачивали возможности выживать и иметь перспективу. Они снова стали объединяться в различные ассоциации. Однако стратификационная система общества, причем совершенно новая, сложиться за 15–17 лет просто не в состоянии, что и отмечают российские социологи. Они в большинстве своем утверждают, что трансформационные процессы еще могут происходить – в силу влияния политического фактора на перераспределение собственности, власти между социальными общностями, социальными статусами. К тому же на Россию оказывается и мощное давление извне по поводу перестройки социальной структуры общества. Недавно по ЦТ бывший Президент РФ сделал сенсационное заявление. По словам В. В. Путина, Россия, которая уже 15 лет ведет переговоры о вступлении во Всемирную Торговую Организацию, т. е. стремится стать частью мировой экономической системы, терпит неудачу потому, что ВТО требует от Российской Федерации не оказывать российскому крестьянству государственной финансовой поддержки.

Отсутствие ясно выраженных гуманистических тенденций в социальной стратификации вызывает неразбериху методологических подходов по ее социологическому анализу.

Так, например, Т. И. Заславская использует для характеристики особенностей стратификации в РФ понятие «иерархические слои», выделяя в них как особые *элиты*, *верхний*, *средний*, *базовый* и *нижний* [2, с. 524–538].

З. Т. Голенкова делит все Российское общество на две группы (или на два класса) – собственники и наемные работники. Последние, по ее данным, составляют 92,8% всего населения страны [3, с. 15].

П. Бурдые изучает стратификацию российского общества через понятие «социальное пространство», которое в свое время предложил П. Сорокин и которое, как и у П. Сорокина, подразделяется на разные поля [4, с. 302–423]. Только если у П. Сорокина выделяются всего три поля – и соответственно, *три страты*, у П. Бурдые социальное пространство делится на множество полей, соответствующих статусам. И в результате, если у П. Сорокина страты характеризуют деление общества в вертикальном отношении (выше – ниже), у П. Бурдые статус характеризует расслоение общества по горизонтали.

Л. А. Беляева применяет метод кластерного анализа, выделяя как важнейшие социально-экономические, политические и социокультурные факторы. По пересечению этих полей (факторов) ею и определяется положение общностей и индивидов в социальной структуре. В результате она выделяет следующие слои – *высокостатусный*, *эксперты*, *реалисты*, *новые бедные* и *старые бедные*.

Высокостатусный слой, по ее мнению, составляет 6% от населения России, состоит на 64% из предпринимателей и менеджеров (по профессии), работает в секторе частной собственности, образование в основном – высшее, по отношению к власти – не менее 10 человек в подчинении, по доходам квалифицируются как богатые.

Слой *экспертов* составляет 20% от населения России, состоит в основном из гуманитарной интеллигенции и менеджеров (по профессии), представители его работают на государственных предприятиях и в учреждениях (бюджетники), образование – незаконченное высшее и высшее, властный ресурс отсутствует (как правило), по доходам – зажиточные.

Реалисты как социальный слой составляет 38% от населения России, состоит из рабочих на 26,7%, пенсионеров – на 16,4%, студентов – 11,6%, отношение к собственности отсутствует, образование – отсутствует высшее (как правило), по отношению к власти – нет властного ресурса, по доходам – обеспеченные.

Новые бедные, будучи социальным слоем, составляют 11% от населения России, по профессии: гуманитарная интеллигенция – 38,4%, пен-

сионеры – 27,5% и др., в основном имеют высшее образование, властный ресурс отсутствует, по доходам – необеспеченные или бедные.

Старые бедные тоже как социальный слой составляют 25% от населения России, по профессии: рабочие – 25,4%, сельские жители – 13,5%, пенсионеры – 27,5%, властный ресурс отсутствует, в основном имеют среднее образование, но занимают низкие социальные позиции, о доходах без оговорок относятся к бедным [5, с. 61].

Для этого автора характерным является еще то, что она дает и гендерную характеристику всех названных выше слоев. По этому показателю только в высокостатусном слое большинство его членов составляют мужчины – 72%, в остальных – женщины: у экспертов – 54,7%, у реалистов – 63,3%, у бедных – от 54 до 63%.

По возрастным показателям автор показывает следующую картину: в высокостатусном слое до 60% составляют люди, имеющие возраст 60–65 лет, и только 35% – младше этого возраста, т. е. данный слой состоит в основном из пожилых людей, конкретно – бывших номенклатурщиков и представителей теневой экономики еще в СССР. Из молодежи в этот слой за последние годы попали немногие.

Слой экспертов тоже больше чем на половину (55%) состоит из людей, перешагнувших 60-тилетний рубеж. Слой реалистов на 65% состоит из пожилых людей, т. е. старше 60 лет. Слой бедных – новых и старых, тоже имеют высокий возрастной ценз – от 55 до 65% [6, с. 21].

В целом получается удручающая картина. Бедствующими в современной России являются женщины и старики, а молодежь в основном находится в поиске своего места в стратификационной структуре общества.

А как же быть с необходимостью создания так называемого среднего класса, который бы и обеспечил «невозврат» России в социалистическое прошлое?

В РФ появляется еще один подход к анализу социальной стратификации, представленный в работе «Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс» (под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой), в которой все граждане Российской Федерации, согласно методологии западной социологии, делятся на *богатых*, *бедных* и *средний* слои или классы [7, с. 45]. Обратимся к конкретным критериям, по которым западные социологи выделяют так называемый средний класс, составляющий в странах с развитой экономикой 55–65% всего населения страны. Это, во-первых, доход – от 1/3 до 1/2 среднедушевого дохода в этих странах; во-вторых, наличие собственности; в-третьих, достаточно высокое образование, дающее возможность получения престижной профессии и работы, а также карьерного

роста, достаточно высокий статус в обществе; в-четвертых, особое социальное мировоззрение.

В России такого класса нет. Поэтому названные выше создатели упомянутой работы отнесли к признакам такого класса личностные самооценки, или *самоидентификацию* людей в соответствии с тем какой класс уже есть. При таком подходе не учитываются объективные факторы – уровень дохода, образования и пр. [7, с. 6–8].

Заключение. По моему мнению, о проблеме самоидентификации необходимо говорить лишь при исследовании общественного мнения, но не при анализе социальной структуры общества. Здесь уместно будет привести пример из учебника по социологии А. И. Кравченко, который пишет: «В конце 40-х годов XX века, американский журнал “Форчун” опубликовал сенсационное сообщение: Америка – общество среднего класса, 80% респондентов отнесли себя именно к нему. Однако после проверки выяснилось, что в анкете предполагалось всего три альтернативы: высший, средний и низший классы. Позднее провели национальное обследование, а в анкете добавили еще одну альтернативу – рабочий класс. Теперь уже 50% респондентов отнесли себя именно к нему. Оказывается, люди испытывают неприязнь к слову “низший класс”. Тот, кто по своим доходам принадлежал к рабочему классу, с большей охотой отнес себя к среднему, нежели к низшему классу. Поэтому социолог всегда должен учитывать психологию восприятия людей» [8, с. 138].

Не так ли обстоит дело с самоидентификацией и в Российской Федерации?

Для подтверждения подобного вывода можно привести пример из моего личного опыта, который хотя и не может выступать в качестве научного факта, но по-своему весьма показателен. В 2001 г. занимаясь со студентами, получающими второе высшее образование и работающими в г. Северодвинске Российской Федерации на заводе атомного судостроения техниками и инженерами, я задал им вопрос, к какому классу они относят себя сами – высшему, среднему или низшему. Из 32 человек в группе не было ни одного, который отнес бы себя к низшему или высшему классам. Все единодушно назвали себя представителями среднего класса.

Тогда были названы конкретные показатели по доходам, образованию, властному ресурсу, которые и характеризуют принадлежность человека к тому или иному классу. По образованию и властному ресурсу их самоидентификация идеально совпала с показателями, по которым характеризовался средний класс в России в то время. Но по доходам ни один из них не мог быть отнесен к среднему классу, т. е. ежемесячно получать не меньше 10 тыс. рублей на каждого члена семьи. По вопросам самооценки престижа мы даже не обменялись с ними мнениями: студенты-инженеры учились на юридическом факультете Архангельского Международного института управления. Такой был тогда престиж инженерного труда на передовом по технике и технологии предприятии не только в России, но и во всем мире.

Вот такова объективная цена самоидентификации как способа исследования.

Литература

1. Ашинов, С. А. Приватизация в России: поиски эффективных решений / С. А. Ашинов, В. В. Букреев, Э. Н. Рудых // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2008. – № 12. – С. 47–57.
2. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация Российского общества. Деятельно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2002. – 670 с.
3. Социальная стратификация российского общества / под ред. З. Т. Голенковой. – М.: Алетейя, 2003. – 278 с.
4. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин – М.: Изд-во политич. литературы, 1992. – 633 с.
5. Беляева, Л. А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа / Л. А. Беляева // Социс. – 2005. – № 12. – С. 57–65.
6. Беляева, Л. А. Социальная стратификация и бедность в регионах России / Л. А. Беляева // Социс. – 2006. – № 9. – С. 18–35.
7. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. – М.: Эконом-пресс. – 2004. – 588 с.
8. Кравченко, А. И. Социология: учебник / А. И. Кравченко. – М.: «Проспект», 2004. – 621 с.